

Я. С. Эмир-Велиева

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ «ЖИВОЙ ЖИЗНИ» В. В. ВЕРЕСАЕВА

В творчестве В. В. Вересаева одним из ключевых концептов является концепт «живая жизнь», который, рождаясь в сознании писателя, обрастая разнообразными смысловыми коннотациями, усложняя свое содержание и подчиняя себе средства художественной выразительности, перерастает в завершенную концепцию. Смысл же концепции «живой жизни» подлежит первоочередному изучению, поскольку позволяет взглянуть на творчество Вересаева целостно – как на единую систему, которая проходит путь формирования, развития, обогащения. До сих пор, однако, не существует специальных работ, посвященных вопросу происхождения, функционирования и художественной реализации концепта «живая жизнь» в наследии Вересаева, написанных с привлечением всего корпуса текстов автора, включая мемуарную прозу и эпистолярный жанр. Именно этими обстоятельствами и обусловлена **актуальность** данной статьи.

Цель работы – исследовать генезис концепции «живой жизни» в искусстве В. В. Вересаева.

Научная новизна публикации состоит в том, что здесь по-иному интерпретируется момент зарождения концепции и литературные истоки, которые являются первоосновой ее формирования.

История вопроса. Анализ научно-критической литературы по изученной теме позволяет сделать следующее заключение: исследователи творчества Вересаева единогласно констатируют, что концепция «живой жизни» начинает складываться в повести «К жизни» и наиболее полно воплощается в трактате «Живая жизнь».

Так, Е. М. Нольде замечает, что именно с упомянутой повести утверждается новая линия исканий Вересаева, имеющая философскую направленность. Этой линии «Викентий Викентьевич был верен до последнего дня своей жизни и считал ее основной в своем послереволюционном творчестве» [7, с. 154]. На самом деле обозначенная линия не начинается, а продолжает формироваться, тяготея к теоретизации изначально очерченных авторских идей. Высказанное положение имеет косвенное подтверждение в признании самого Вересаева, которое находим в предисловии к статьям о Пушкине: «Если я брался за какую-нибудь исследовательскую критическую тему, то потому, что к теме этой меня приводила общая линия моих исканий» [2, с. 6].

Немаловажно отметить следующее: до сих пор Вересаев воспринимается исключительно как писатель-социолог. И это небезосновательно, поскольку он по преимуществу являлся исследователем проблем общественного сознания, которые реализуются на материале темы русской интеллигенции. Тем не менее избранная проблема пока осмысливается Вересаевым иначе, нежели у собратьев

по перу: обращаясь к социальной проблематике, он акцентирует внимание на ее нравственно-этическом аспекте, раскрывая последний сквозь призму восприятия героя – человека из общественно активной среды.

Ю. Бабушкин видит истоки вересаевской концепции «живой жизни» в обращении автора к философской программе Л. Толстого, в продолжении нехристианской традиции русской литературы, в исповедании религии пантеизма. Исследователь отмечает, что причины появления идеи «живой жизни» у Вересаева имеют длинную и вполне логичную историю, однако это никак не связано с приобщением к марксизму, который был для литератора скорее увлечением, нежели мировоззрением. В связи с этим ученый выдвигает идею об отвлеченно-демократическом идеале союза людей-братьев как причине появления в творчестве Вересаева понятия «живая жизнь» [3, с. 26].

В статье Э. И. Денисовой «Концепция живой жизни в творчестве В. Вересаева» дан ее фронтальный анализ. Именно в этом исследовании намечены новые хронологические рамки появления изучаемого феномена. Рождение его, по мнению литературоведа, восходит к 1895-му году, когда было создано первое крупное произведение Вересаева – повесть «Без дороги». В связи с данным предположением, считаем необходимым внести уточнение: идея «живой жизни» появляется у Вересаева задолго до повести «Без дороги», что подтверждается обращением к дневникам автора, позволяющим обнаружить такие аргументы, которые дают возможность по-иному взглянуть на изучаемую проблему.

Перед поступлением в университет, до 1884 года, Вересаев много читает. Круг его чтения разнообразен – это и русская, и зарубежная классика. На это же время приходится и первое серьезное литературное увлечение будущего литератора – творчеством Тургенева.

Весьма показательна дневниковая запись от 10 марта 1884 года, в которой значится следующее: «Спасибо Тургеневу! Сколькими сладкими, дорогими минутами жизни я ему обязан! <...> Во время неудач, невзгод я прибегаю к нему и, при чтении его, душа очищается, тоска пропадает. При нем забываешь все дрязги жизни, уносишься в далекий, идеальный мир...» [5, с. 186].

Позже Вересаев подробно опишет, воссоздаст силу собственно эстетического воздействия на человека со стороны искусства и природы – символов «живой жизни». Герои, открывая для себя эти новые миры, как бы оказываются соучастниками акта творения, в них активизируются жизненные силы, возрождается готовность к борьбе. В свете этого важно отметить, что у Вересаева отсутствуют пространные рассуждения о гении Тургенева, он лишь с высокой степенью эмоциональности констатирует, что считает предшественника «первым поэтом в мире». Гораздо позже, в первой части литературно-критического исследования «Живая жизнь», названной «Человек проклят», Вересаев подчеркнет абсолютную полюсность в описаниях природы у Достоевского, называя его зарисовки стеклянными, и – с другой стороны – Толстого и Тургенева, считая их пейзажи живыми, светлыми.

Предположение о том, что великий романист повлиял на разработку концепции «живой жизни» Вересаева в ее начальной стадии, подтверждается и тем фактом, что линия развития понятия «живая жизнь» в XIX веке явно проходит через художественное сознание Тургенева. Так, в письме к Полине Виардо от 28 июля 1849 года он соединяет два элемента структуры жизни (впоследствии актуализировавшихся у Вересаева) – природу и творчество, отмечая, что бессознательное, интуитивное движение природы – это и есть творчество: «<...> той жизни, которая находится везде, проникает всюду, заставляет целый мир растений и насекомых без цели и без надобности зарождаться в каждой капле воды. Это произведение непреодолимого, невольного, бессознательного движения, которое не может поступать иначе; это не обдуманное творчество» [9, с. 481].

У Вересаева имеется несколько рассказов, посвященных искусству: «Загадка» (1887, 1895 – вторая редакция), «Прекрасная Елена» (1896), «На эстраде» (1900), – и в каждом из них воздействие прекрасного на человека пробуждает в нем новые силы, желание жить. В рассказе «На эстраде» поднимается вопрос о назначении искусства. И здесь появляется новый мотив: искусство ради искусства, выполняющее только эстетическую функцию, не заслуживает признания. Не всякое творчество ценно, а только то, что мобилизует к жизни, настоящей борьбе, наполняет душу любовью к миру. Также неприемлемо для Вересаева бесцельное любование природой, поскольку жизнь для всех существ – это единение с Природой как целостным организмом. В рассказе «Загадка» звуки музыки неслучайно сравниваются с раскатами грома, ведь герой ощущает соположенность звездной ночи и мелодии скрипки, невольно переносится в иную реальность, где его охватывают новые, странные чувства. Такое воздействие пробуждает в нем силы и желание преодолевать жизненные препятствия.

Обратимся к одному из «Стихотворений в прозе» Тургенева, озаглавленному «Природа» (1879 г.), где звучит ее собственный голос, обращенный к герою: «Разум мне не закон. <...> Я тебе дала жизнь — я её отниму и дам другим, червям или людям... мне всё равно... А ты пока *защищайся* — и не мешай мне!» (курсив наш – Я. Э.) [10, с. 165], то есть спонтанные движения природы не поддаются рациональному осмыслению, для природы все существа едины, а человеку остается лишь соглашаться с этим и не навязывать миру законов своего разума.

Те же мотивы звучат в повести Вересаева «К жизни»: «Темнел вдали огромный дуб, серел на тропинке пыльный подорожник, высоко в небе летела цапля, вяло выползал из земли дождевой червь. Все и всех жизнь принимала в себя, властительница светлая. Сколько я думал, сколько искал — и ничего не мог понять ни своими мыслями, ни мыслями других людей. А здесь теперь было все так ясно и просто, так неожиданно-понятно» [4, с. 117]. Чердынцев, герой повести, остается один на один с ураганом, с природной стихией, тем самым достигая слияния с природой – это и есть, по его разумению, живая

жизнь. Показательно, что так же заканчивается и более ранний рассказ «Лизар» (1899): «Хороша жизнь! Жить, жить, — жить широкой, полной жизнью, не бояться ее, не ломать и не отрицать себя, — в этом была та великая тайна, которую так радостно и властно раскрывала природа» [3, с. 204].

Еще один аргумент в пользу того, что Тургенев произвел не только эмоциональное воздействие на молодого Вересаева, но и в известной степени повлиял на формирование центральной концепции всего творчества последователя, может послужить тургеневское определение «жизни»: «Но что же такое эта жизнь? Я ничего об этом не знаю, но знаю, что в данную минуту она всё. <...> Эта штука <...> это жизнь, природа или бог; называйте ее как хотите» [9, с. 481]. Вересаев также не может охватить все многообразие жизни одним словом: «Но я-то знаю, хотя не могу назвать словом, — есть единое. Этим единым живы и вольный лет ястреба, и благоухание вросшей в землю березы» [цит. по: 7, с. 100]. Мотив природы как высшего проявления жизни становится сквозным.

Нельзя не упомянуть в связи со сказанным еще одного крупного прозаика XIX века, у которого «живая жизнь» стала центральным понятием, — Достоевского. С. Г. Бочаров отмечает, что в «Братьях Карамазовых» «живая жизнь» воплощается в образе «клейких листочков», которые, в свою очередь, являются реминисценцией из стихотворения Пушкина «Еще дуют холодные ветры...» [1, с. 208]. Поразительное сходство находим в монологе Ивана Карамазова и строках письма Тургенева Полине Виардо от 1 мая 1848 года: «Я без волнения не могу видеть, как ветка, покрытая молодыми зеленеющими листьями, отчетливо вырисовывается на фоне голубого неба. <...> Ах, я не выношу неба, но жизнь, действительность, ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее скоротечную красоту, — всё это я обожаю» [9, с. 460].

Несомненно, все приведенные рассуждения Тургенева были реализованы в его художественных произведениях, которые знал и высоко ценил Вересаев. С творчеством Достоевского он был также очень хорошо знаком. Разумеется, для работы над «Живой жизнью», Вересаев тщательно изучает формы реализации концепта «живая жизнь» в романах Достоевского и, хотя во многом с ним не соглашается, тем не менее, как и классик, видит одно из проявлений «живой жизни» в детях, в детской духовной чистоте. Поэтому неудивительно, что главный герой Вересаева, ищущий смысл бытия, рисуется автором в духе русской художественной традиции, благодаря чему изучаемый концепт приобретает мотивное сходство с образами «живой жизни» и «жизни», выведенными как Достоевским, так и Тургеневым.

Говоря о генезисе выведенной концепции, следует обратить внимание еще на один немаловажный факт. 7 ноября 1884 года Вересаев отмечает в дневнике, что прочитал первую статью Д. Писарева, и она натолкнула его на мысль о необходимости не чтения, но изучения новой русской литературы. Уже 9 ноября, продолжая рассуждения о революционерах-демократах, он записывает: «Вперед, вперед! В жизнь, в кипучую жизнь! Бросить эту мертвую

схоластику, <...> вырабатывать в себе убеждения *живые* (курсив автора)» [5, с. 210] и, ссылаясь на Писарева, делает вывод о том, что облагораживают не знания, а любовь и стремление к истине. Эти убеждения будут сопровождать Вересаева всю жизнь и найдут отражение во многих произведениях, где теоретической отвлеченности взглядов и дидактизму рационалистов противопоставляются интуиция как высшее проявление единения с сущим и жажда действий. Но наиболее показательной оказывается дневниковая запись от 16 ноября: «Писарев! Писарев! Он указал мне истинное счастье! <...> Сознательное наслаждение жизнью – работать мыслью, насколько хватает сил, не замыкаться в узкую специальность, приобретать всесторонние сведения, работать над собой, не заглушать никаких сомнений, никаких вопросов, пока не добьешься их разрешения <...>» [5, с. 211]. Эта запись перекликается с критической статьей «Московские мыслители» самого Писарева (в главе о публикации Юркевича): «Вокруг нас кипит живая жизнь; что ни шаг, то предмет для размышления» [8, с. 195]. И далее: «Тут сама жизнь задает вопросы и шевелит мысль; успевай только обдумывать и решать; успевай только пробиваться и разрушать действительные препятствия; а тут (в статье Юркевича – Я. Э.) нам предлагают углубиться в самих себя, заняться диалектическими выкладками, воскресить покойный гегелизм и зарыться по уши в какую-нибудь отвлеченную систему» [там же].

Нет никаких сомнений в том, что неприятие отвлеченных теорий, пафос активности, определение состояния «живой жизни» как кипения – роднит Вересаева с Писаревым. Более того, слово «жизнь» у обоих писателей (как, впрочем, и у Тургенева, и у Достоевского), насыщенное, доминантное, выделяется акцентологически. Поэтому совершенно очевидно, что, выстраивая свою концепцию «живой жизни», Вересаев синтезирует несколько ее характеристик, которые имеют в том числе литературные начала.

Каждое произведение Вересаева – это попытка художественной реализации мотива «живой жизни». Когда же писатель сам осознал, что в повести «К жизни» такая реализация не удалась, он увидел в жанре критического исследования наиболее приемлемый способ материализации уже сформировавшихся, выношенных идей. В контексте сказанного нельзя обойти вниманием и безусловное влияние на Вересаева в этот период его исканий творчества Л. Толстого. Важным следствием данного обстоятельства становится вывод о том, что целью создания диалогии «Живая жизнь» (1909–1914) был вовсе не отклик на литературную борьбу в годы реакции, как утверждает К. Д. Муратова [6, с. 512], а стремление, используя произведения Толстого и Достоевского в качестве материала исследования, оформить, те выводы, которые к этому времени не начинают складываться, а уже сложились и получили частичное освещение в художественных произведениях. Но жанр исследования — литературно-философский трактат — становится причиной антиномичности некоторых утверждений писателя, ставших впоследствии

объектом заслуженной критики. Однако даже это не умаляет неоспоримых достоинств книги «Живая жизнь».

Таким образом, следует **заключить**, что вересаевская концепция «живой жизни» формировалась постепенно, под влиянием разных историко-культурных обстоятельств, среди которых – разнородные литературные влияния (на них указывает либо сам автор, либо же – произведенный анализ). Вересаев, человек образованный и много читавший, в разное время увлекался Тургеневым, Писаревым, Толстым, а также был хорошо знаком с творчеством Достоевского. У каждого из предшественников писатель обнаруживал созвучие с зарождающимися у него идеями, что и получило отражение в его собственной трактовке «живой жизни», не лишив последнюю оригинальной своеобразности.

Литература

1. Бочаров, С. Г. Сюжеты русской литературы [Текст] / С. Г. Бочаров. – М. : Языки русской культуры, 1985. – 626 с.
2. Вересаев, В. В. В двух планах. Статьи о Пушкине [Текст] / В. В. Вересаев. – М. : Недра, 1929. – 206 с.
3. Вересаев, В. В. Собрание сочинений [Текст] : в 5 тт. / В. В. Вересаев. – Том 1 / вступ. ст., подгот. текста и прим. Ю. У. Бабушкина. – М. : Правда, 1961. – 480 с.
4. Вересаев, В. В. Собрание сочинений [Текст] : в 5 тт. / В. В. Вересаев. – Том 4 / подгот. текста и прим. Ю. У. Бабушкина. – М. : Правда, 1961. – 532 с.
5. Вересаев, В. В. Собрание сочинений [Текст] : в 5 тт. / В. В. Вересаев. – Том 5 / подгот. текста и прим. В. М. Нольде и Ю. У. Бабушкина. – М. : Правда, 1961. – 536 с.
6. Муратова, К. Д. Вересаев [Текст] / К. Д. Муратова // История русской литературы : в 10 тт. / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Том 10. Литература 1890–1917 годов / редкол. : А. С. Бушмин (отв. ред.), А. Г. Дементьев, В. А. Десницкий, С. В. Касторский, К. Д. Муратова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – 804 с.
7. Нольде, В. М. Вересаев. Жизнь и творчество [Текст] / В. М. Нольде. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1986. – 190 с.
8. Писарев, Д. И. Полное собрание сочинений [Текст] : в 6 тт. / Д. И. Писарев. – СПб., 1894. – Том 2. – 607 с.
9. Тургенев, И. С. Письма [Текст] : в 18 тт. / И. С. Тургенев ; АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. : Наука, 1982. – Том 1. Письма 1831–1849 / редкол. : М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. – 608 с. – (Полное собрание сочинений и писем : в 30 тт.).
10. Тургенев, И. С. Сочинения [Текст] : в 12 тт. / И. С. Тургенев ; АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. : Наука, 1982. – Том 10. Повести и рассказы 1881–1883. Стихотворения в прозе 1878–1883. Произведения разных годов / редкол. : М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. – 608 с. – (Полное собрание сочинений и писем : в 30 тт.).

Аннотация

Эмир-Велиева Я. С. Литературные истоки концепции «живой жизни» В. В. Вересаева. В статье исследуются генезис и эволюция концепции «живой жизни» В. В. Вересаева, которая является ключевой, системообразующей в творческом наследии писателя, однако, остается почти не изученной в современной вересаевистике. По-новому интерпретируется момент зарождения концепции в сознании автора и устанавливаются литературные истоки и влияния (Тургенева, Достоевского, Писарева), которые во многом обусловили ее возникновение. В результате анализа избранной проблемы открывается перспектива переосмысления полного комплекса истоков и форм выражения концепции «живой жизни» на материале всего творчества В. В. Вересаева.

Ключевые слова: вересаевистика, идейная эволюция, концепция «живой жизни», литературные истоки, сознание автора, эстетические влияния.

Анотація

Емір-Велієва Я. С. Літературні витoki концепції «живого життя» В. В. Вересаєва. У статті досліджуються генеза та еволюція концепції «живого життя» В. В. Вересаєва, яка є ключовою, системоутворючою в літературному доробку письменника, однак, залишається не вивченою в сучасній вересаєвістиці. По-новому інтерпретується момент зародження концепції у свідомості автора і встановлюються літературні витoki і впливи (Тургенєва, Достоевського, Писарева), які багато в чому зумовили її виникнення. В результаті аналізу обраної проблеми відкривається перспектива переосмислення витоків і форм реалізації концепції «живого життя» на матеріалі всієї творчості В. В. Вересаєва.

Ключові слова: вересаєвістика, ідейна еволюція, концепція «живого життя», літературні витoki, свідомість автора, естетичні впливи.

Summary

Emir-Velieva Y. S. Literary origins of the V. V. Veresaev's concept of "living life". The V. V. Veresaev's concept of "living life" remains essentially unexplored in modern veresaevistic. However it is considered to be an ideal basement of the writer's literary heritage. The article investigates the genesis and evolution of this concept in Veresaev's consciousness. A moment of concept's appearance in the author's mind is recognized. The established literary sources and influences (Turgenev, Dostoyevsky, Pisarev), which largely led to its emergence, are researched. The perspective of total rethinking of the origins and forms of realization of the concept of "living life" on the other material of all V. V. Veresaev's creativity is also characterized.

Keywords: veresaevistic, literary sources, the concept of "living life", the author's consciousness, the esthetic influence, the ideological evolution.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати к. филол. н., доцентом Зябревой Г. А.